

СОБЫТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И КРИТЕРИИ

6 апреля 2006 г. в Малой аудитории Психологического института РАО прошел научный семинар на тему «Прогресс психологической науки: основные проявления и критерии». Это первый совместный научный семинар, проводимый Психологическим институтом РАО и Институтом психологии РАН. По предложению сопредседателей семинара Т.Д. Марцинковской и А.В. Юревича намечено сделать его постоянно действующим и проводить два раза в год.

Предложенные для обсуждения вопросы вызвали живой интерес и бурную дискуссию участников, которые, хотя и не смогли прийти к единой точке зрения, были единодушны в одном — подобные обсуждения необходимы, без методологических дискуссий и обсуждений, затрагивающих наиболее острые вопросы методологии и теории психологической науки, она окажется в тупике. Научные семинары по философии науки необходимы как живительный глоток воздуха, без которого наша наука задыхается в плену жестких концептуальных схем, низкого уровня психологической грамотности и захлестывающей все и вся практической психологии. Важность темы проявилась и в большом количестве участников, и в остроте и эмоциональном накале дискуссий, а также в смутном на сегодняшний день понимании того, что такое методология и по каким критериям можно определять понятие прогресса в психологической науке.

Во вступительном слове Т.Д. Марцинковская подчеркнула, что понятие прогресса неоднозначно при оценке культуры, в частности при оценке искусства, в котором прогресс, в принципе, невозможен, как невозможно определить, какая картина — Рафаэля, Коро или Левитана — лучше, чья музыка — Гайдна, Чайковского или Бриттена — более прогрессивна. Исходя из предмета исследования психологической науки, можно предположить, что критерии прогресса для гуманитарной и естественно-научной психологии не могут быть едины. При экспериментальном изучении психики за последние годы накоплено значительное количество данных, позволяющих лучше понимать механизмы работы нервной системы, когнитивных процессов, в то время как понятие личности, процесс становления мотивации, норм и ценностей человека изучены значительно хуже, а в исследовании границ и условий личностной свободы, ее самореализации мы не намного опередили античную психологию.

Эта тема прозвучала и в выступлении В.П. Зинченко, напомнившего ироничное высказывание Г.Г. Шпета, который считал разговор о прогрессе философских идей от Платона, Декарта, Гегеля и до современности «весьма колючей темой». Кризис в психологии, являясь, соответственно, обратной стороной прогресса, — также тема весьма «колючая», неоднозначная.

Особенно активно участники семинара обсуждали заявленное в выступлении Т.Д. Марцинковской предложение о необходимости не смешивать социальные и когнитивные критерии развития психологии, т.к. количество вузов, готовящих психологов, количество защищенных диссертаций, свидетельствующее о социальном прогрессе, еще не означают прогресса в понимании психического. Как сказал В.П. Зинченко, количество диссертаций, защищенных по психологии личности, значительно превышает количество личностей, их защитивших.

Исходя из социальной ситуации развития психологии в современной России, Т.В. Корнилова пришла к выводу о том, что в ней в социальном значении присутствует регресс, т.к. серьезные психологические труды читают избранные, хотя и существует социальная востребованность на книги по психологии. Наши студенты начинают жить в двух пространствах: идеальном и реальном. В первом они ставят высокую планку для критериев выполнения и оценки исследовательской работы, во втором — существенно ее снижают в реальной практике выполнения собственных исследований. В когнитивном же значении, безусловно, присутствует прогресс, но существует он как «парциальный», например, активно развивается когнитивная психология.

Ряд участников семинара (В.П. Зинченко, Б.С. Братусь, Н.И. Чуприкова, Т.В. Корнилова и др.) согласились с тем, что научные достижения не могут стать источником дальнейшего развития науки, если они не нашли отражения в периодической печати, т.е. критерием прогресса науки могут стать и научные публикации в периодической печати. Не менее важны и учебники, и учебные пособия, многие из которых не отражают совре-

менные тенденции и открытия в психологии, а потому могут стать источником регресса, а не прогресса при подготовке студентов.

В центре дискуссии оказался вопрос о проявлениях прогресса и регресса в психологии, а также о том, находится ли в настоящее время отечественная психология в состоянии кризиса. В.П. Зинченко в своем выступлении подчеркнул относительность понятий прогресса и кризиса, напомнив, что Л.С. Выготский в своей работе 1927 г. «Исторический смысл психологического кризиса» критически высказывался о состоянии всей мировой психологии, а если мы посмотрим на 1927 г. с позиции современности, то это был невероятный рассвет психологии. Именно в этот период в России уже существовала школа самого Л.С. Выготского, зарождались школы А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева. В Англии возникала школа Барклета, в Германии на тот период существовало огромное количество научных школ. В.П. Зинченко подчеркнул, что важна установка, с позиции которой мы оцениваем кризис и прогресс как актуальное состояние науки, и, может быть, сегодня, как и в 1927 г., происходят яркие, необыкновенные явления в науке, которые нами неадекватно воспринимаются и оцениваются. Он также высказал важную мысль о том, что есть некий период «латентного влияния» теоретического наследия. Так, Л.С. Выготский начал оказывать влияние на отечественную науку через своих учеников начиная с 70-х гг. XX в., т.е. его теоретическое наследие имело латентный период освоения 30 лет. Работы Г.Г. Шпета имеют латентный период в промежутке от 70 до 100 лет. Это и есть показатель прогресса. Некоторые психологические работы практически совсем не освоены (М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, М.К. Мамардашвили).

О важности развития экспериментальной психологии для прогрессивного движения науки говорили многие участники. В.П. Зинченко подчеркнул, что сегодня можно констатировать застой в психологической науке, связанный с отсутствием экспериментальной психологии, а ведь состояние науки оценивается состоянием экспериментальной психологии, отраженной в мировой психологической периодике. В выступлении Б.С. Братуся также говорилось о кризисе в экспериментальной науке, особенно если вспомнить, сколько фундаментальных экспериментальных лабораторий и исследований было раньше.

В то же время, подчеркивая значимость экспериментальной психологии, многие участники дискуссии обращали внимание на огромный интерес психологов к гуманитарной парадигме. В своем выступлении Б.С. Братусь напомнил, что на проходившем в прошлом году юбилее психологического общества было запланировано проведение двух «круглых столов» по естественно-научной и гуманитарной парадигме. На «круглый стол» по естественнонаучной парадигме пришли 10 человек, а на «круглый стол» по гуманитарной — 60 человек. Поворот к гуманитарным наукам — это веяние времени, хотя сложность гуманитарного подхода, по сравнению с естественно-научным, очевидна. Вместе с тем В.М. Аллахвердов подчеркнул, что деление на естественнонаучные и гуманитарные науки несколько искусственно. Естественные и гуманитарные науки отличаются методом — способом проверки своих знаний. Психология никогда не соответствовала идеалу естественных наук, которые изучают идеализированные объекты, которых заведомо нет и они существовать не могут. Есть ли в психологии идеализированные объекты? Если нет, то это не естественная наука.

С.Д. Смирнов подчеркнул противоречивость критериев прогресса в контексте естественно-научной и гуманитарной психологии. Естественные науки — это науки о природе. Человека, выделившегося из природы, нельзя изучать естественно-научными методами, изучение человека должно осуществляться только в подходе гуманитарном, хотя нельзя ставить вопрос или/или при определении научно-исследовательских методов. Особое внимание вопросу о соотношении гуманитарной и естественнонаучной психологии уделил в своем выступлении Д.А. Леонтьев. Говоря о соотношении двух парадигм, он подчеркнул, что когда психология выделилась в самостоятельную область знания, она относилась к естественным наукам и развивалась в русле естественнонаучной парадигмы. Но по мере развития гуманитарного знания становится очевидным необходимость пересмотра самого понятия науки, либо изменение терминологии: понятие «науки» должно остаться за старой естественнонаучной парадигмой, а для гуманитарных наук необходимо придумать новое определение. Представления в естественных науках начинают меняться, как это ни парадоксально, в направлении, которое предсказывали психологи. Мы долгое время тянулись за естественными науками, пытаясь приблизить психологические модели и способы работы к тому идеалу, на который ориентируются естественные науки. Но по прошествии времени оказалось, что сам идеал оказался неоднозначным, и теперь уже естественные науки начинают черпать из гуманитарных наук, в том числе и из психологии, понимание того, что с ними самими происходит.

Существующая традиционная естественнонаучная модель опирается на понятие причины и следствия. Однако

во второй половине XX в. появились сомнения по поводу детерминизма в психологии. Открытие явления бифуркации (И. Пригожин), которое свидетельствовало о том, что даже в биологической природе детерминизм не абсолютен, привело к бурному развитию гуманитарной парадигмы в психологических исследованиях. Если естественные науки изучают необходимое, то гуманитарные науки имеют дело с возможным. Если критерии прогресса естественных наук связаны с тем, что по мере развития науки объяснение должно становиться все более однозначным и сфокусированным, то в гуманитарной науке, наоборот, критерием прогресса становится появление различных дискурсов. Таким образом, в рамках гуманитарной парадигмы ведется изучение не условий, а предпосылок — того, что создает возможность, но не обеспечивает результат.

Возражая против приоритета гуманитарной психологии, Н.И. Чуприкова, говоря о двух парадигмах, настаивала, что будущее психологии — не их синтез, а приоритет одной из них. И по ее мнению, будущее — за материалистической психологией. Однако большинство выступавших (В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, Т.Д. Марцинковская, А.В. Юревич, Б.С. Братусь) подчеркивали принципиальную мульти-парадигмальность психологической науки. В.П. Зинченко сказал, что синтез двух парадигм плодотворен, так, физики и астрономы многие идеи черпали даже не из гуманитарной науки, а из поэзии. То, что результаты науки совпадают с результатами прозрений художников, — это действительно факт замечательный. Эту мысль развил и Д.А. Леонтьев, говоря, что психология — уникальная наука, так как, пожалуй, только к ее предмету (сфере психической реальности человека) применим и есте-

ственно-научный, и гуманитарный подходы. Однако каким образом они соотносятся: по принципу кентавра или тьяни-толкая?

Центральным вопросом, обсуждавшимся собравшимися, стал вопрос о критериях, по которым можно оценить прогресс в психологии. Н.И. Чуприкова в своем выступлении подчеркнула, что для оценки прогресса во всех науках, в том числе и в психологии, критерии должны быть едины. Они известны еще от Т. Куна и очень просты. Это, во-первых, кумулятивный или некумулятивный характер знаний, во-вторых, наличие исследовательских программ, которые развиваются внутри себя, в-третьих, верифицированность проверяемых теорий. Поэтому, с ее точки зрения, прогресс в психологии, безусловно, существует, т.к. в ней за последние 20—30 лет накоплено огромное количество новых знаний и в исследовании эмоций, и в психосемантике, построении когнитивных пространств, личностных конструктов, исследовании личностных черт (большая пятерка), в когнитивной психологии, психогенетике.

В своем вступлении С.Д. Смирнов, говоря об идеале науки психологии, отметил, что зарождение и развитие научного знания осуществляется через появление рефлексивного компонента, расширение научного сообщества, дифференцирование научных групп, рост востребованности научных результатов в обществе, вклад в материальную и духовную культуру общества, отказ ученых от обслуживания интересов определенной группы в пользу научной истины. С его точки зрения, критериями прогресса психологической науки являются рост научных идей и научных публикаций, обмен знаниями — это критерий экстенсивного развития науки (развитие вширь); кумулятивность, методологичность и четкость

исследований — это интенсивные критерии (развитие внутрь). Идеал классической науки может быть представлен через строительно-архитектурную метафору («фундамент», «каркас», «стержень», «постройка»). В данном контексте вся классическая психология может быть представлена как «храм науки». В современной науке эта метафора разрушается. Современная психология — это множественность теорий и невозможность их объединения в единую систему. Именно это дает возможность измерения психических явлений, но при этом существует «зыбкость», неопределенность научных исследований. В этом динамичном движении к взаимодействующим системам (теориям) — прогресс психологической науки, ее научный идеал.

Продолжая эту мысль, Т.В. Корнилова говорила о том, что современное психологическое сообщество характеризуется «критичным мышлением», оно ставит методологические вопросы и пытается в них разобраться и это можно считать «критерием прогресса». Говоря о критериях прогресса, В.Ф. Петренко высказал точку зрения о том, что современный прогресс можно обозначить как преимущественно биологический (увеличение численности психологов, расширение ареала) в совокупности с морфофизиологическим регрессом (упрощение, обеднение профессионального содержания). В мировой психологии за последние 30 лет нет ярких теорий, в отдельных направлениях (сознание, воля) прогресс практически равен нулю. В отечественной психологии это еще и вопрос финансирования, низкая социальная значимость психологической науки, отсутствие внимания со стороны государства к любым научно-психологическим свершениям. Говоря о значении социальной ситуации для оценки развития

науки, М.С. Гусельцева вспомнила о том, как появилось понятие прогресса и какое значение оно имело в работах философов-энциклопедистов. Она подчеркнула необходимость разработки критериев оценки прогресса для культурно-исторической парадигмы в психологии, которая не может оцениваться вне социального контекста.

Д.А. Леонтьев, говоря о критериях прогресса, указал, что наука порождает объяснение, и о прогрессе в науке можно говорить в применении к этим объяснениям. При этом степень дифференцированности и интегрированности объяснений можно рассматривать как один из показателей прогресса в науке. Е.А. Сергиенко высказала мысль, что в качестве основных признаков прогресса можно рассматривать три наиболее важных: 1) накопление эмпирического материала; 2) многообразие теорий; 3) методологию. Прогресс в науке выражается, прежде всего, в переходе от дихотомии к ковариации. Например, в современной психологии понятия «сензитивный период», «критический период», «кризис» не противопоставляются, а дополняют друг друга.

Рассматривая кризис в психологии В.М. Аллахвердов подчеркнул, что чем больше говорят о методологии, о недовольстве ученых положением в науке, тем в большей степени можно говорить о кризисе. Кризис существует перманентно. И, наверно, существует потому, что психология не стала естественной наукой. Тема кризиса была развита в выступлении В.А. Кольцовой, которая отметила, что проблема психологического кризиса в контексте общественной науки связывается с отсутствием целостности, состоятельности методологии, нарушением функциональности системы. В научной литературе кризис науки рассматривается как прекращение функционирования науки

на определенном этапе в качестве парадигмальной системы, а прогресс — как множественность точек зрения. Отсюда — кризис — застой, отсутствие борьбы мнений (дискуссий), отсутствие методологических альтернативных позиций. В отечественной психологической науке коренного преобразования не наблюдается. Есть потребность в обновлении, но нет реальных позиций для его осуществления. Причины кризиса могут быть заданы извне или быть внутренними. Внутренние причины определяются эвристическим потенциалом, у психологии он неисчерпаемый. В настоящее время причины кризиса внешние, они имеют социальный характер. В то же время функциональная неравномерность психологии — это форма активного состояния, в некотором роде адаптация психологии к новым условиям. Поэтому, с точки зрения В.А. Кольцовой, сейчас рано говорить о кризисе в отечественной психологии, так как он носит не методологический, а функциональный характер.

Сопоставляя понятия «прогресс» и «развитие» с понятием «кризис», А.Н. Ждан, говоря о прогрессе психологии, привела слова У. Джемса о том, что основополагающие научные понятия в психологии меняются очень медленно. Если мы отождествляем развитие с прогрессом, то прогресс, конечно, есть, т.к. наука, безусловно, развивается. Но есть ли настоящее развитие? А.Н. Ждан подчеркнула, что в советской психологии созданы замечательнейшие концепции — С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.В. Давыдова. Мы бросили эти концепции, мы ищем нового, чтобы заполнить созданное ими. А идея заключается в том, что заполнение — это не развитие. Прогресс заключается не в бесконечном поиске нового, а в том, чтобы

развивать замечательные отечественные концепции. Закрывая эту тему, Т.Д. Марцинковская предложила попробовать использовать идею кризиса развития и для методологии, т.е. рассматривать кризис как необходимый этап в поиске нового и переходе теории на новый уровень понимания психического.

Еще одним вопросом, вызвавшим горячее обсуждение, был вопрос о методологическом плюрализме. В.М. Аллахвердов и А.Н. Ждан говорили о важности гносеологического монизма. По мнению А.Н. Ждан, методология не может быть плюралистичной. У исследователя должна быть методологическая точка зрения. В советское время был железный занавес между советской психологией и зарубежной, но ведь и было, что занавешивать. В.М. Аллахвердов подчеркнул, что верная теория может быть только одна, а неверных — много. Однако многие выступавшие, напротив, говорили о том, что определенная точка зрения при построении экспериментальной работы не исключает множественности методологических парадигм при интерпретации результатов, а потому постмодернистский подход в психологии имеет будущее.

А.В. Юревич подчеркнул, что выработать универсальный и глобальный критерий прогресса в науке невозможно, т.к. какие-то области знания явно прогрессируют, какие-то — нет, какое-то направление прогрессирует согласно одним критериям и не прогрессирует по другим и т.д. Таким образом, нужно выработать систему критериев прогресса в психологии, которые будут столь же плюралистичными, как и сама современная психология. Методологическую альтернативу кумулятивному подходу можно охарактеризовать так: разрушается прежнее здание и с сохранением отдельных «кирпичиков» строится здание новое. При этом

традиция строения зданий, а также сами «кирпичи» в виде психологических фактов сохраняются. Таким образом, на смену кумулятивной парадигме приходят постмодернистские концепции развития науки, которые предполагают, что чем больше направлений возникает в исследовании психологического факта, тем больше фрагментов истины мы открываем.

Плюрализм мнений не исключает единого понятийно-технологического аппарата, который, как справедливо сказала Н.И. Чуприкова, отсутствует в современной психологии. По ее мнению нужна серьезная работа с теориями, т.к. из каждой серьезной теории должны вытекать вполне определенные следствия, доступные опытной или экспериментальной проверке. Последнее замечание Н.И. Чуприковой также вызвало оживленный обмен мнениями по поводу того, должна ли любая гипотеза высказываться в такой недвусмысленной ясной форме, чтобы могла осуществляться ее опытная проверка, и как оценивать с этой точки зрения психоанализ, теории Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, другие, ставшие уже классическими, психологические теории. В связи с этим Е.А. Сергиенко и В.И. Панов затронули вопрос о сложностях, возникающих перед экспериментальной психологией при изучении познавательных процессов, особенностей их протекания у разных людей.

Говоря о важности психологического сообщества для прогрессивного развития науки, Б.С. Братусь подчеркнул, что показатель прогресса науки – живет ли эта наука, каково содержание протекающих в ней дискуссий, какие аудитории она собирает и собирает ли. Эта же мысль прозвучала и в заключительном слове А.В. Юревича, который заметил, что если бы ответ на вопрос «Существует ли прогресс в психологии?» был абсолютно

ясен и однозначен, то, наверное, не было бы так много желающих обсудить эту тему. В связи с этим одним из показателей прогресса в психологической науке можно считать постоянное увеличение количества методологов. Поэтому окончание методологической паузы мы можем рассматривать как еще один мягкий критерий прогресса в психологической науке. А.В. Юревич также отметил, что весьма важным представляется актуальный контекст развития науки. Несомненно, что в современном обществе пассионарными науками являются те из них (политология, экономика), которые имеют надежные источники финансирования. Именно эти науки наиболее интенсивно развиваются и в них можно наблюдать признаки прогресса. Таким образом, если в качестве показателя прогресса брать только социальный критерий, то в настоящее время прогресса в психологии нет. Таким образом, единой логики развития науки не существует. Разные науки реагируют на разные внешние стимулы: для социальных наук наиболее важными стимулами являются крутые разломы общества, которые нуждаются в осмыслении. Но для психологии наиболее оптимальным является социальное спокойствие, «замороженность» внешнего социального контекста, в условиях которого человек обращается к познанию самого себя.

Подводя итоги дискуссии, ее ведущие – Т.Д. Марцинковская и А.В. Юревич предложили присутствующим принять участие в написании книги, посвященной прогрессу в психологии, а также продолжить обсуждение актуальных проблем методологии психологии на следующем семинаре, который состоится осенью этого года.

Т.Д. Марцинковская